

Илья Андреевич АЛЕНЕВСКИЙ / Ilya ALENEVSKY

| К феноменологии самопожертвования в политическом и творческом энтузиазме / The Phenomenology of Self-Sacrifice in the Political and Creative Enthusiasm |

Илья Андреевич АЛЕНЕВСКИЙ / Ilya ALENEVSKY

*Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
Институт философии, Кафедра культурологии, философии культуры и эстетики
Аспирант**St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Department of Culturology, Philosophy of Culture and Aesthetics
Postgraduate Student
dblm2@yandex.ru***К ФЕНОМЕНОЛОГИИ САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ И ТВОРЧЕСКОМ ЭНТУЗИАЗМЕ**

Предметом исследования является понятие жертвы, которое самым противоречивым образом укоренено в нашей жизни. Бесконечная информация о жертвах вращается вокруг осуществляемого в обществе насилия. Сводки новостей и чрезвычайные происшествия демонстрируют все новые жертвы катаклизмов природы, преступности, терроризма. Мы сами – невольные жертвы информационного общества. Элементы утраченного понимания жертвы можно найти в идее и ритуале жертвоприношения, отличающего многие традиции. В оппозиции к насилию жертва становится критическим понятием. В жертвоприношении раскрывается феномен жертвы. Актуальность исследования состоит в возрождении смысла жертвы, который необходимо связывать с феноменом самопожертвования, которое характеризуется состоянием энтузиазма. Воля к самопожертвованию в подвижничестве раскрывает феномен жертвы как таковой. Вывод исследования заключен в вводимом концепте жертвы как высшей самоотдачи. Исследование подкрепляется примерами политического и творческого энтузиазма.

Ключевые слова: воля, жертва, критика насилия, самопожертвование, экзистенция, энергия, напряжение, самоотдача, подвижничество, энтузиазм.

**THE PHENOMENOLOGY OF
SELF-SACRIFICE IN THE POLITICAL
AND CREATIVE ENTHUSIASM**

The subject of research is the notion of victim, which is the most contradictory ways rooted in our lives. Endless information about the victims revolves around the ongoing in the society of violence. News and emergencies demonstrate all the new victims of disasters of nature, criminality, terrorism. We - an unwitting victim of the information society. Items lost the understanding of victims can be found in the idea and ritual of sacrifice that distinguishes many of the traditions. In opposition to the violence, the victim becomes a critical concept. The sacrifice reveals the phenomenon of victim. The relevance of the study is to revive the meaning of sacrifice, which should be linked to the phenomenon of self-sacrifice. It is characterized by a state of enthusiasm. The will to self-sacrifice in selfless devotion reveals the phenomenon of the victim as such. The conclusion of this research is to introduce the concept of the victim as highest devotion. The research is supported by examples of political and creative enthusiasm.

Key words: will, victim, violence, criticism, self-sacrifice, existence, energy, voltage, devotion, selfless devotion, enthusiasm.

Илья Андреевич АЛЕНЕВСКИЙ / Ilya ALENEVSKY

| К феноменологии самопожертвования в политическом и творческом энтузиазме / The Phenomenology of Self-Sacrifice in the Political and Creative Enthusiasm |

Раскрытие связи и различающего единства понятий воли к самопожертвованию и жертвы, сегодня является философской, в перспективе – политической и этической задачей. В самопожертвовании проявление воли и совершение жертвы должны быть различены в составе участников события во избежание двусмысленностей, за которым может стоять неверно понятый смысл жертвы: кто проявляет волю, во имя чего и для кого, так что проявление воли переходит в самопожертвование, открывающее феномен жертвы как таковой. Самоопределение (кто я, переходящее в кто мы?), цели человеческого существования, бытийная ориентация целей – вопросы, которыми уместно обставить идею самопожертвования, на которую сегодня может ориентироваться философия жертвы, как на маяк или главную тональность человеческого бытия, имя которому – подвижничество, состояние которого – энтузиазм.

Однако решение поставленной задачи встречает на своем пути существенное препятствие. Трудность в ее исполнении заключается в том, что реальность сего дня, особенно взятая в исторической перспективе двадцатого столетия, располагает и принуждает к другой позиции по отношению к конечным (для задачи) смыслам воли и жертвы. Через эту позицию их сталкивают друг с другом, посредством исторической критики вынося решающий приговор. Его суть – воля к власти, отличает европейскую цивилизацию в стремлении к наращиванию мощного разрушительного потенциала посредством военного технологического оснащения, научного прогресса, ориентированного на культ техники. Реализация этого потенциала, исторически потребовавшая жестких политических режимов и идеологий, через осуществление насилия и покорения других культур и народов также внутри самой Европы, своим итогом имеет многомиллионные жертвы. Здесь понятия воли и жертвы оказываются скованными единой судьбой, которая следом привела их к однозначным для морального сознания смыслам: воля – стремление к мировому

господству, жертвы – результат тотального насилия в этом стремлении.

Философская критика, напротив, проявляет гибкость в отношении смысла воли к власти и насильственных жертв; она демонстрирует свою живость мысли и творческую силу ума. Идея воли к власти у Ницше как ее главного автора допускает в силу своей противоречивости множественность интерпретаций (от эксперимента, допускающего уничтожение мира до стремления к возвращению человечности в человеке, пусть и через сверхчеловека), которые могут даже противоречить друг другу. Вокруг идеи очерчен круг со своим критическим философским ядром (М. Хайдеггер, Х. Арент, Ж.-Л. Нанси), включающий в свою орбиту судьбы двадцатого столетия, перспективы и альтернативы человеческого будущего. Аналогично и М. Фуко в глубоком проникновении в историю Европы вывел такие критические понятия как воля к знанию, воля к истине, отражающие жесткость и насильственность институциональных практик, основанных на ценностях европейского общества. Понятие же насильственной жертвы для философской рефлексии требует первичного различения и отличия понятия и смысла жертвы от феномена насилия: «Если есть реальность насилия, то нет жертвы, тем более святой жертвы, и наоборот»¹. Всегда необходимо проследить логику, из которой высказывается сущность жертвы (логика жертвоприношения): сегодня за этим понятием стоит предельная степень ответственности в его использовании: «Сущность жертвы – в предельной искренности, в святости, в абсолютной достоверности трансцендентной реальности для жертвы и участников ритуального жертвоприношения, в ее значимости в качестве самого эффективного способа как стабилизации и сохранения существующего порядка и устройства жизни, так и в плане ее преобразования»². Выстраивается оппозиция поня-

¹Савчук В.В. Кровь и культура. СПб.: Издательство С. Петербургского университета, 1995. С. 61.

²Там же. С. 60.

Илья Андреевич АЛЕНЕВСКИЙ / Ilya ALENEVSKY

| К феноменологии самопожертвования в политическом и творческом энтузиазме / The Phenomenology of Self-Sacrifice in the Political and Creative Enthusiasm |

тий насилие-жертва-жертвоприношение (с опорой на идеи В. В. Савчука): жертва в логике насилия является критическим понятием; в логике жертвоприношения раскрывается сущность жертвы, ее жизнеутверждающий смысл. Жертва как предмет философской рефлексии имеет две логики раскрытия своего смысла. Исследование феномена насилия обретает свой критический характер, обрастая смыслами вокруг критики капитализма в эпоху медиа, несущими по всему миру весть о мгновенном распространении информации, что несет новый виток прогресса человеческому сообществу, за которым обнаруживаются новые виды и практики насилия. Человек сегодня встречается с жертвами в сводках новостей, демонстрирующих все новых жертв катаклизмов, преступности, терроризма, воли случая и т.д. И менее всего человек готов сегодня жертвовать собой. Доминирующим опытом жертвенности сегодня являются самоубийства, вхождение в террористические организации, осваивающие свою территорию смысла жертвы.

Проблема исследования формулируется как определение смысла жертвы с опорой на феномен воли к самопожертвованию. Формулировка проблемы определяет и подчеркивает актуальность исследования: продвижение опыта философской рефлексии в осмыслении феномена самопожертвования, создание теоретической базы и опытной почвы для разработки концептов, актуализующих бытие человека, посредством которых возможно духовное противостояние миру антропологического (далее этического, политического и эстетического) запустения. Актуальность концепта самопожертвования обнаруживает свое родство с идеей жертвоприношения: «Ныне проблема условий и способа существования культуры – диаметрально противоположна (отказу цивилизованного мира от жертвы): каким образом сделать идею жертвоприношения как условия существования культуры понятной и доступной? Как и по каким каналам приостановить жертвы цивилизаторские и открыть

жертвы культурные?»³. Диалог с имеющейся философской критикой жертвы предполагает занятие собственной позиции, подступ к которой возможен через прыжок из царства необходимости критики в царство свободы самопожертвования. Этот прыжок своей точкой отталкивания имеет предположение, что феномен воли не ограничен своим проявлением в качестве воли к власти, подчеркивающим судьбу Европы Нового времени. Прыжок осуществляется в ориентации и направлении к феномену жертвы через опыт самопожертвования, взаимосвязанное раскрытие которых и есть конечный пункт исследования.

Искони воля философской мыслью находила свою порождающую причину в разуме: «Ведь в разумной части души зарождается воля, а в неосновывающейся на разуме – желание и страсть»⁴. Желания и страсти в своих потоках стихиях, импульсах, спонтанностях, наличие иных стремлений и побуждений говорят о наличии довлеющих обстоятельств, в которых должна быть и может быть проявлена воля. Имея порождающее начало воли в разуме и довлеющие обстоятельства, можно составить экзистенциальную ситуацию, в которой проявляется воля. Воля не тождественна разуму, так как проявление воли возможно в мире, реальность которого проникает в сам феномен воли, которая также должна быть осмысленной. Воля представляет собой род и вид интеллектуальной энергии, которая имеет свои полюса, между которыми происходит специфическое волевое напряжение (что обычно называют процессом достижения цели), освещающее экзистенциальную ситуацию, упорядочивая ее обстоятельства, разрешая трудности, останавливая потоки влечений, утверждая бытие человека. Этими полюсами экзистенциального напряжения являются цель (воли вне цели не существует: если человек проявляет волю, то он проявляет ее ради чего-то и во имя чего-то) и установка к

³Там же. С. 63.⁴Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т.1. Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. С. 441.

Илья Андреевич АЛЕНЕВСКИЙ / Ilya ALENEVSKY

| К феноменологии самопожертвования в политическом и творческом энтузиазме / The Phenomenology of Self-Sacrifice in the Political and Creative Enthusiasm |

действию (сосредоточенность сознания, его собранность в одну точку и позицию). И так, воля проявляется в экзистенциальной ситуации напряжения между целью и установкой. Такие экзистенциальные напряжения (речь идет об экзистенциальной трактовке воли) проявляются в самообладании, решительности и поступке в их предельном выражении, которое можно назвать подвижничеством в каждом способе проявления воли. Так проявление воли оказывается связанным в своем подвижническом аспекте с феноменом самопожертвования. Если цель достигается сохранением равновесия, готовностью удерживать установку собранной в последующий момент времени, пока длятся довлеющие обстоятельства, то это тождество цели и установки в длящийся период времени, обеспечивающее сознанию его устойчивость и форму (внутреннее тело сознания), есть проявление воли, которому можно дать имя самообладания.

Исследуем довлеющие обстоятельства сего мира, определенного в эпоху новых медиа, раскрывающих новые формы насилия (В.В. Савчук). Потoki информации о бесконечных жертвах, нагоняющих едва различимое угнетение, действующее на сознание оттого еще сильнее в его едва обозримой деформации, потоки бесконечных образов, парализующих воображение и сознание человека в его адекватном видении самого себя, настоящего и будущего, искажающих до неузнаваемости восприятие других, чреватое конфликтной ситуацией непонимания. Чтобы в таких обстоятельствах проявить самообладание, необходимо вооружиться разумом, способным к тонкому и точному анализу действительности во всех ее тупиках и сложностях: «Один из важнейших вопросов медиафилософии, как можно сопротивляться потреблению информации, которая ежедневно искушает повышением градуса сенсации, скорости предъявления события, катастроф и ужасов?... «Побочным» эффектом медиареволюции является новая форма насилия, смысл которой в поддержании нормативного ре-

жима иллюзии легкости, доступности, скорости»⁵. Реальность, осознанная как медиареальность, говорит и о следующем: универсальная сообщаемость всего со всем посредством медиа располагает возможностью к трансляции опыта, к сообщению проявленного самообладания другим в его актуальных формах и способах сознания свободы. С помощью личного общения или экзистенциального этического и политического утверждения, перформанса как художественного события, возможно сообщить другим свой опыт проявления воли, передать другим свой опыт свободы, который теперь, найдя отклик в других, перестанет быть индивидуальным опытом, но включится в коллективный опыт свободы. Чем искреннее и лично полнее я смогу передать свой опыт, тем глубже он окажет воздействие на других в нашем коллективном опыте свободы: «Искренность художника постинформационной эпохи не переходит в качество искренности произведения, в митьковскую наивность. Она остается внутренней интенцией, мотивом к творчеству и выражению, искренностью сопереживания миру близкому, окрестности»⁶. Мир в эпоху медиа, в своей изнанке медиареальности, показывает возможности для самоопределения, которое не замкнуто на одном индивидуальном сознании, но является миссией всех тех, кто способен собраться в сообщество. Быть открытым миру, значит быть готовым к самопожертвованию и отклику, пониманию жертвы, искренне совершенной другим.

Подвижничество характеризует качественно экзистенцию человека в его целеустремленности – энтузиазм. Подвижничеством в самообладании является победа над самим собой, над своими страстями (чему хороший пример – философия стоиков), в решительности – готовность действо-

⁵Савчук В.В. Новые медиа – новые формы насилия // Санкт-Петербургский государственный университет. 2017.

URL: philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/SAVCHUK (дата обращения: 9.11.2017).

⁶Савчук В. Конверсия искусства. СПб.: Петрополис, 2001. С. 24.

Илья Андреевич АЛЕНЕВСКИЙ / Ilya ALENEVSKY

| К феноменологии самопожертвования в политическом и творческом энтузиазме / The Phenomenology of Self-Sacrifice in the Political and Creative Enthusiasm |

вать, что продвигает человека далеко в будущее в сознании альтернативного коллективного способа бытия. Жертвовать (рисковать) в решительности человек может своим самообладанием, своей самодостаточностью и индивидуальностью. Однако это еще не вполне артикулированный опыт самопожертвования, дело касается возможности опыта, его начальных стадий. Решительность в единстве с самообладанием подготавливают новое раскрытие феномена воли, которое может осуществить сознание не просто в своей установке готовности действовать, но уже само действующее в своей решительности сознание. Действие является самой установкой сознания, которое достигает своего напряжения с целью, будучи собранным вокруг цели. Здесь воля проявляется в поступке, который сам, в конце концов, становится целью и благом для сознания. Но поступок в своем критерии подвижничества и проявления энтузиазма человека и есть подвиг как таковой, высшее измерение человеческого духа и присутствия, динамический способ бытия, раскрывающий человечность человека в его стремлении к обитанию в горних мирах.

Цель, осуществляемая в подвиге, разделена в своем бытии: она принадлежит участникам события подвига, его действующим лицам и Другому, ради которого совершается подвиг. Опыт самопожертвования раскрывается в переносе своих сознательных действий по достижению цели к жертвованию ради Другого, в стремлении к полной самоотдаче. Исследуя феномен подвига, можно определить этого Другого, для бытия которого осуществляется жертва. Таким Другим может быть человеческое сообщество, организованное в иной альтернативный способ бытия в самополагании себя в будущее. Здесь подвиг – это политический поступок, а Другой выступает как истинное единство человеческого сообщества. Диалог «Государство» Платона целиком и полностью посвящен феномену политического поступка, который состоит в том, что к власти должны прийти философы, чтобы организовать государство на добродетели справедливости, вырастающей из личного начала в каждом

человеке, обретающего добродетели рассудительности, мужества и подходящего к измерению истины, отвечающего всеобщему благу и подлинному бытию. Этот поступок включает в себя как свободный выбор, так и долженствование, осознанное как своя собственная миссия: «Так вот, хорошие люди потому и не соглашаются управлять – ни за деньги, ни ради почета: они не хотят прозываться ни наемниками, открыто получая вознаграждение за управление, ни ворами, тайно пользуясь его выгодами... они приступают тогда к управлению не потому, что идут на что-то хорошее и находят в этом удовлетворение, но по необходимости, не имея возможности поручить это дело кому-нибудь, кто лучше их или им подобен... Я скажу, что все справедливые люди с годами становятся правителями в своем государстве, если им этого хочется»⁷.

Осуществление события истины в политическом изобретении является идеей современного французского философа Алена Бадью. Опытной и феноменальной почвой для Бадью является как раз философия Платона, в которой философ обнаруживает наличие всех четырех истин, благодаря которым возможна философия как таковая (истины политики, искусства, науки и любви). Бадью испытывает политическую практику человечества на предмет политической истины и вносит в нее Великую Французскую революцию, Октябрьскую Социалистическую революцию в России, культурную революцию в Китае и события мая 1968 года во Франции, которому политически верен сам Бадью. «С определенным событием связана определенная Идея, поскольку событие – это общее имя этой новой возможности. Например, у Французской революции было три великих идеи... а именно: свобода, равенство, братство. Идеей большевистской революции был коммунизм у власти – про-

101

⁷Платон. Государство. Сочинения в четырех томах. Т. 3. / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. С.128, 484.

Илья Андреевич АЛЕНЕВСКИЙ / Ilya ALENEVSKY

| К феноменологии самопожертвования в политическом и творческом энтузиазме / The Phenomenology of Self-Sacrifice in the Political and Creative Enthusiasm |

летарской партийное государство»⁸. Выделим здесь этический и экзистенциальный момент подвижничества и самопожертвования на конкретном примере. Советский писатель Андрей Платонов, проходя через жесткие гонения официальной критики и жесткость сталинского режима и сталинских времен, отразившихся в его творчестве в повестях «Котлован», «Епифанские шлюзы», критикуя наивный коммунизм в романе «Чевенгур» и научную волю к технологическому освоению мира («Эфирный тракт»), остался верен идеалам революции и будущей мечте о новом будущем, что раскрывает человечность человека. Поздний период творчества писателя отмечен повестью «Джан», в которой мечта остается действительной при всех сомнениях разума: «Осталась ли в народе хоть небольшая душа, чтобы действуя вместе с ней, можно совершить общее счастье? Или там давно все отмутилось и даже воображение – ум бедняков – все умерло?.. Чагатаев знал... что всякая эксплуатация человека начинается с искажения, с приспособления его души к смерти, в целях господства, иначе раб не будет рабом»⁹. Сам Платонов пережил поворот в своей жизни (проявил решительность), абсолютно посвятив себя творчеству, обратившись от инженерной деятельности к литературе и творческим исканиям духа методом прямого чувства жизни, по выражению самого писателя: «Писать не талантом, а человечеством, сущностью своей... Писать надо не талантом, а «человечностью» – прямым чувством жизни... Сущностью, сухой струей, прямым путем надо писать. В этом мой но-

вый путь»¹⁰. Платонов жил жизнью подвижника, жертвуя своей жизнью (будучи военным журналистом на фронтах Великой Отечественной войны, зарабатывая туберкулез, излагая идеи своих произведений в жестких жизненных условиях) ради возможности истинного единства человеческого сообщества, глубоко укорененного в личности человека, его чувственном, телесном и интеллектуальном опыте.

Рассмотрим и другой вид подвига и жертвы, связанные теперь опытом самопожертвования, в котором энтузиазм нужно понимать в буквальном значении слова (вдохновение бога в человеке). Ядром христианской религии является практика исихазма – мистико-аскетическая традиция духовного опыта восхождения к горнему миру в соединении с божественными энергиями, раскрывающая событие обожения человека. Другим здесь выступает Бог (Христос), а онтологический опыт соединения со Христом раскрывает феномен совершенной жертвы в целостной единой триаде совершенства: жертва-любовь-общение: «Надеясь полнотой всевосприимчивости (то есть общительности) и всевосприимчивости (то есть предоставленности-себя-общению), усовершенное во Христе Иисусе существо человека становится единым пространством, или полем общения... Взятое от греческого глагола «обходить по кругу», понятие обозначает полноту взаимопроникновения, мыслимого динамично и энергично, как непрестанная обоюдная самоотдача. Но это же отношение Божественных Ипостасей, мы знаем, есть любовь, совершенная и Божественная, – что и есть собственно любовь, любовь как таковая, по христианскому пониманию. Полнота же самоотдачи есть, очевидно, совершенная жертва»¹¹. Опыт ранних христиан-

⁸Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью/Перевод с французского – Институт Общегуманитарных исследований, 2013. С.23.

⁹Платонов А.П. Джан. Фантастическая повесть [Электронный ресурс]: Платонов А.Потомки Солнца. Рассказы и повести / Послесл. Д. Зиберова; Ил. Н. Раковской. М.: Правда, 1987. URL: imwerden.de/pdf/platonov_dzhan.pdf (дата обращения: 8.11.2017). С.47.

¹⁰Платонов А.П. Записные книжки. Материалы к биографии. Публ. М.А. Платоновой. Составление, подготовка текста, предисл., примечания Н.В. Корниенко. М.: Наследие, 2000. С. 81, 97, 100.

¹¹Хоружий С.С. Концепция совершенного человека в перспективе исихастской антропологии. Институт си-

Илья Андреевич АЛЕНЕВСКИЙ / Ilya ALENEVSKY

| К феноменологии самопожертвования в политическом и творческом энтузиазме / The Phenomenology of Self-Sacrifice in the Political and Creative Enthusiasm |

ских подвижников находил отклик в социалистических идеях. Так Энгельс в произведении «К истории первоначального христианства» пишет: «В истории первоначального христианства имеются достойные внимания точки соприкосновения с современным рабочим движением. Как и последнее, христианство возникло как движение угнетенных: оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов... И христианство и рабочий социализм подвергались преследованиям и гонениям, их последователей травили, к ним применяли исключительные законы: к одним – как к врагам рода человеческого, к другим – как к врагам государства, религии, семьи, общественного порядка. И вопреки всем преследованиям, а часто даже непосредственно благодаря им, и христианство и социализм победоносно, неудержимо прокладывали себе путь вперед»¹². Уместно также можно вспомнить активное сотрудничество большевиков и старообрядцев в деле революции.

Итак, подойдем к выводам. Связь между проявлением воли и осуществлением жертвы раскрывается в подвижническом опыте существования человека, предельным проявлением и выражением энтузиазма которого является самопожертвование. В решительности феномен жертвы сопряжен с риском относительно своей возможной самодостаточности и независимости: по истине, здесь еще подготавливается опыт жертвы. Именно в поступке, который в своем предельном осуществлении раскрывает феномен воли – подвиг, осуществляется опыт самопожертвования как высшей

самоотдачи. Поступок, в своей цели, разделенной с Другим, осуществляется ради Другого (будь то подлинное народное единство, божественный статус личности, творчество и художественное произведение, собирающее вокруг себя сообщество); трансляция своей целеустремленности к взаимодействию с Другим через самопожертвование и есть опыт жертвы как самоотдачи. Зафиксируем здесь главный концепт исследования. Уместно привести соответствующие определения: воля – это род и вид интеллектуальной энергии, реализующей и выражающей свободу в самополагании. Жертва – предельная самоотдача, которая является другой стороной проявления воли к самопожертвованию, направленная к действию во имя Другого. Сформулированная позиция актуальна для диалога с философской критикой в отношении понятия жертвы, определенного к смыслу тотального насилия и его результатам. Более того сформулированная позиция дает возможность критике пойти дальше и обрушить все свои удары на разоблачение мнимых волевых идеалов, политик и идеологий, за которыми всегда стоят все новые и новые жертвы; критика позволяет разоблачить и вытащить наружу комфортное довольство, рабство, лакейство и пресмыкание перед силой, вокруг которой сосредотачивается идеология капитализма и власти, бюрократическая система права и потребительские планы на будущее. Феномен жертвы, раскрываемый в опыте самопожертвования, может стать орудием духовной, политической и этической борьбы за человечество.

нергийной антропологии. 1995. URL: www.synergia-isa.ru (дата обращения: 8.11.2017). С.31-32.

¹²Энгельс Ф. К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 22. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 467.

